

СТАТЬИ

А. Лоуренс Чикеринг

ЖИЗНЬ БЕЗ МАРКСА

Оценивая попытки Михаила Горбачева преобразовать советскую систему, наблюдатели справа и слева сходятся в том, что о Советах следует судить не по тому, что они говорят, а по тому, что они делают. Думается, что есть в этом принципиальная ошибка. Хотя мы верим в примат дела по отношению к слову, в случае советской системы, если дойдет до необходимости изменения ее основ, именно слова, то есть идеи, будут зачинателями перемен. Разумеется, понять, что перемены происходят, можно только в том случае, если на каком-то этапе за словами последуют дела, которые подкрепляют слова. Но идеи должны открывать путь, ибо только идеи способны проникнуть достаточно глубоко в советскую систему верований, чтобы вызвать реакцию на коренные перемены. Поэтому ход рассуждения должен быть обратным: сосредоточить размышления на том, что они говорят, а не на том, что они делают.

Разумность такого подхода можно объяснить по Берку. Дело в том, что любая перемена, вызванная непосредственными действиями, по всей вероятности вызовет цепь все более усиливающихся противодействий, что, в конечном счете, приведет к краху весь процесс перемен. Запад будет приветствовать реформы, но возникший хаос подорвет процесс преобразований, возможно, спровоцировав вмешательство советской армии. После переворота нам станет известно, что все кончено, ибо руководители, пришедшие на смену Горбачеву, осудят реформы тщательно подобранными фразами насчет „буржуазной реакции“, столь знакомыми по временам „старого режима“.

Берк в неявной форме учит, что для успеха „революции” важно, чтобы она не была революцией. Чтобы стать успешным, процесс должен быть постепенным, он должен казаться продолжением прошлого даже во время решительных перемен. Только при таком условии те, кто теряет власть и влияние, могут примириться с нововведениями.

Если слова столь жизненно важны, то в чем значение гласности и как оно выражается?

Основное значение гласности — в отречении от марксизма как религии. Происходит оно не в явной форме, а символически. И в самом деле, именно в символической форме это и должно было произойти: вспомним, что в прошлом ни одного завязатого марксиста невозможно было убедить отказаться от веры просто с помощью фактов. Поэтому советское ниспровержение марксизма изнутри ныне может быть осуществлено только посредством осторожной манипуляции символами. (Напомним, что один из основных принципов успешной революции или контрреволюции, — это принять на вооружение то, от чего вы намерены вскоре отказаться. Поэтому чем больше мы слышим советских заклинаний о гласности, которая ставит своей задачей сохранить марксизм, тем яснее, что они на самом деле отходят от него.)

Чтобы понять, как это отречение осуществляется и почему это важно, следует припомнить сущность изначальной привлекательности марксизма. Понимание этого нередко теряется в современных анализах американо-советских отношений, где есть тенденция слишком много заниматься балансом вооружений и „советскими намерениями”. Но ведь главным резервом Советского Союза никогда не были ракеты и танки; им была квазирелигиозная претензия марксизма на обладание ключом к миру совершенства. Это видение взывало к более высоким идеалам и ценностям, чем (так оно представлялось) те, которые мог когда-либо предложить секулярный буржуазно-капиталистический режим. В особенности это импонировало интеллектуалам, ибо казалось, что марксизм дает ответы на вопросы о цели и смысле жизни, что ранее обеспечивалось религиозной традицией.

Для серьезных представителей западных интеллектуалов марксизм давно начал терять привлекательность. Ныне гласность

транслирует это послание простому человеку в Советском Союзе, а это равносильно заявлению самой матери-церкви о том, что марксизм не может добыть Священный Грааль.

Горбачев и его сторонники осуществляют отход от марксизма, признавая, что система потерпела крах, и поощряя открытую дискуссию по всем вопросам, касающимся настоящего и будущего советского общества. Так, все прежде сакральное становится мирским. Публикуются доводы в пользу экономической реформы, которые могли бы выйти из-под пера Милтона Фридмана. В должной мере освещается та сторона экономики, которая связана с обеспечением нужд общества; пишут о необходимости существенного снижения налогов, публикуются заявления, свидетельствующие о терпимости властей в отношении религии. В одной телевизионной программе прославляются американские рабочие как пример для рабочих советских, ФБР сопоставляют с КГБ в благоприятном свете. В „Новом мире” — журнале интеллигенции — появились нападки на Ленина, и их уозть не снимает их важности и символичности.

Вероятно, наиболее интересно проследить освещение ухода Советов из Афганистана. Большинство стран, желающих выйти из войны, прибегают к длительным проволочкам и уловкам, чтобы скрыть поражение. Организуются сложные переговоры, инсценируются хитроумные „уступки”, а затем поражение провозглашается победой. Если таково нормальное поведение нормальных правительств, тем более это, казалось бы, должно быть важным для системы, подобной советской, установившейся в стране, которая претендует на гарантию победы, выданную самой Историей. Однако в отношении Афганистана Советы объявили об отступлении и опубликовали его календарь. Никаких упоминаний о переговорах. Никаких разговоров об уступках. Был объявлен график, а затем попросту началось отступление.

Но самым необычным в символике отречения от марксизма являются нападки на власть Партии — церкви марксистской религии. Началось с разговоров о „поощрении демократии”. Сформировались политические клубы. Затем раздались призывы к созданию оппозиционной партии. Естественно, нападки на партию не были прямолинейным процессом. Чрезмерными были бы попытки приписать все попятные шаги на этом пути горбачевской

идеологии успешной ползучей „революции”. Точнее, пожалуй, объяснить временные успехи реакции, такие как подавление либерального журнала „Гласность”, нормальной нелинейностью пути, по которому идут все социальные и политические перемены.

Предоставление открытой дискуссии на партийной конференции на обозрение аудитории советского телевидения в июне 1988 г. было поразительным по символичности явлением; конференция завершилась принятием предложений Горбачева о сужении власти партии, об ограничении сроков функционирования партийных руководителей и об открытии политической системы для участия простых граждан. (Скептически относящиеся к реформам должны задуматься, как бы наши конгрессмены отнеслись бы к предложению конституционно ограничить сроки их пребывания на посту десятилетиями, а именно такое ограничение было принято партконференцией.)

Наконец, еще один признак перемен — советский политический язык. Прежний язык был ходульным и стилизованным, подобно лозунгам, призывавшим московских рабочих к самоотверженности (эти лозунги недавно были сняты). Это был подлинно литургический язык. Используемый сегодня язык совершенно иной. Он прям и стихичен. Горбачев в ответ на вопрос, думает ли он, что бюрократы будут подрывать его усилия либерализовать экономику, ответил: конечно, будут. Но бюрократы, сказал он, боятся. Такой ответ точен и правдив.

Дэвид Сэттер в „Нью Рипаблик” цитирует письмо в „Правду”, показывающее религиозные аспекты происходящего ныне со многими советскими гражданами:

„Как и многие другие, я принадлежу к поколению, которое выросло при социализме и без веры в Бога. Можно сказать, что социализм и его идеалы были нашими богами... В результате политики гласности и неограниченной критики...идеи социализма, которыми мы жили семьдесят лет и которые определяли цели и смысл нашей жизни, были в какой-то мере дискредитированы... Моя собственная вера поколебалась”. (Обратный перевод с английского — Ред.)

Без своего видения идеала марксизм остается не более чем голой хватательной клешней власти. Именно поэтому, если произойдет серьезное выступление реакции и Горбачев будет низложен, СССР никогда не сможет полностью вернуться в прежнее состояние. Если Горбачев будет принужден уйти от власти, самое большое, что придет ему на смену, — это открытая циничная диктатура, которая не будет претендовать на мандат истории.

Ниспровержение религии матерью-церковью имеет огромное, хотя и весьма сложное воздействие на верующих в колониях. Здесь вновь можно упустить смысл происходящего, слишком сосредоточившись на делах, а не на словах. Проблема состоит в том, что в политике слова и дела на поверхности часто находятся в парадоксальных соотношениях друг с другом, нередко идут в противоположных направлениях вследствие стараний руководителей скрыть свои подлинные дела или добиться от публики „сбалансированного” восприятия самих себя.

Американская политика дает тому множество примеров; поездка верховного антикоммуниста Никсона в Китай — наиболее поразительный из них. Но есть и другие примеры. Предполагается, что республиканцы и консерваторы благоприятствуют богачам и довольно безразлично относятся к судьбам менее благополучных; но ведь именно демократы и либералы большей частью предлагают снижение налогов на высокие доходы (вспомним принятое в 1964 г. предложение президента Кеннеди о снижении предельной ставки налога с 91 до 70%; а также лоббирование демократами в Палате представителей снижения налога на „незаработанный доход” с 70 до 50%). В том же ключе — действия „супер ястреба” Рейгана, который противился соглашениям о контроле над вооружениями, но провел соглашение о ликвидации ядерных ракет средней дальности.

Эти примеры показывают, почему во время происходящего в СССР „религиозного отречения” у кремлевских руководителей сохраняются стимулы двигаться в некоторых вопросах в направлении, противоположном тому, которого требует гласность.

Воздействие происходящего на другие страны-сателлиты СССР так же сложно, и можно ожидать, что это будет тянуть

Советы в противоположные стороны. Однако важнейший вопрос не в том, будет Советский Союз увеличивать или сокращать военную помощь странам-сателлитам. Дело в затруднительном положении, в котором ныне, перед лицом отступничества Москвы, оказались марксистские правительства, пытающиеся отстоять миф своей легитимности.

Страны-советские сателлиты, оказавшись в роли исповедующих падшую религию, попали в положение, которое социологи обозначают термином „когнитивное меньшинство”. Члены таких меньшинств — например, религиозные люди в агностическом обществе или верующие в астрологию в научном сообществе не могут, на выбор, отступить и сохранить веру, блокируя сигналы извне, или сдать ее и перемениться.

Подобно этому, для сателлитов СССР существуют лишь два пути: следуя за Москвой, осуществить постепенную либерализацию и создать открытое общество, или усилить замкнутость и репрессии (по албанскому образцу). Куба, возможно, пойдет по второму пути. Кубинское правительство ответило на гласность сокращением распространения советских книг и журналов, много лет издававшихся большими тиражами на испанском языке. Недавно московский журнал „Новое время” опубликовал статью о несовместимости кубинского социализма с новыми советскими стандартами. Правительство Кастро перекрыло поступление на Кубу следующих выпусков журнала, а вскоре ограничило и квоту на ввоз „Московских новостей”. Отношения между двумя странами стали настолько напряженными, что советское посольство в Гаване уже несколько месяцев остается незанятым, а в речи на ежегодном праздновании Дня независимости 26 июля Кастро заявил, что на Кубе гласности не будет.

Признаки сдвигов появляются по всей советской империи — в Восточной Европе, во Вьетнаме, в Анголе, даже в Эфиопии и Северной Корее. Китай продолжает идти по собственному пути либерализации, хотя и здесь слова и дела двигаются в противоположных направлениях: ортодоксальные политические символы скрывают неуклонное развитие политических реформ, проводимых без лишнего шума.

Иногда наиболее драматическими показателями перемен в Советском Союзе и соседних странах становятся события,

сами по себе незначительные и малозаметные, но вместе они складываются в нечто огромное; сюда можно отнести недавние сообщения о приватизации части польской системы здравоохранения, о сближении Северной и Южной Кореи, об удалении последней статуи Мао из Пекинского университета, о первой мирной отставке руководителя государства в советском блоке (Кадар в Венгрии весной 1988 г.), о публикации в Москве отрывков из книги Дж. Орвелла „1984”.

Если марксистское учение нередко критикуют за экономический детерминизм, то, по иронии судьбы, предпринимаемые на Западе попытки последние события в Советском Союзе обнаруживают собственный детерминизм. По существу, все западные обозреватели полагают, что эгоистические интересы советской элиты — это непреодолимая реальность, а что происходит — не столь важно. Если либерализация потерпит крах, будут говорить, что элита никогда не уступает своей власти; если же дела пойдут успешно, будут говорить, что кризис советской экономики убедил ту же элиту, что без серьезных перемен ее могущество настолько ослабеет, что станет несущественным для остального мира.

Во всех этих оценках есть доля истины, но они не улавливают центрального аспекта происходящего — отхода советской элиты от квазирелигиозной марксистской веры.

Одна из причин неудач наших попыток понять этот отход в том, что у современных западных интеллектуалов отсутствуют инструменты понимания религиозной веры. Поскольку рационализм западной интеллектуальной традиции оставляет для веры очень мало места, а то и вообще никакого, очень немногие среди западных интеллектуалов могут предетавить, что значит верить и потерять веру. Они не более подготовлены к пониманию происходящего в Советском Союзе, чем к пониманию иранцев, свергнувших шаха и заявивших о своей приверженности фундаменталистскому религиозному автократу, каким является аятолла Хомейни.

Объяснение наших неудач в осмыслении событий в СССР кроме того связано с нашей собственной политической культурой. По иронии истории, марксизм, исчезающий как вера в Советском Союзе, остается средн основ нашей собственной ин-

теллектуальной, психологической и духовной жизни в качестве мифа или метафоры, и от этого почти невозможно избавиться, даже если его выбрасывают в Москве.

Чтобы понять, что имеется в виду, необходимо припомнить, какое место продолжает удерживать марксизм в системе западного мышления. Даже сегодня, когда лишь немногие интеллектуалы называют себя марксистами, слово „марксизм” остается для многих метафорой надежды. Это видно по способам, которыми западные левые в течение четырех последних десятилетий отчаянно ищут „подлинный” марксизм, прославляя, а затем проклиная страны, которые какое-то время служили для них воплощением истинной веры. После каждой неудачи они искали новый объект надежды во все более невероятных местах: после Советского Союза они обратились к Китаю, затем — к Кубе, затем — к Северному Вьетнаму, а в последнее время — к Никарагуа. (Только с Северной Кореей Ким Ирсена они расстались быстро.) Разумеется, при сопоставлении либерального капитализма с „высшими чаяниями” марксистских государств, именно либеральный капитализм всегда оставался в глазах многих интеллектуалов дефектным.

Для многих западных либералов и левых марксизм стал метафорой системы, которая решает основной вопрос современности, интегрально увязывает все усиливающийся в современном обществе поиск индивидуализма и рационализации с потребностью (как личности, так и общества) в ценностях, находящихся за пределами субъекта. Это примирение индивидуализма и коллективизма, эффективного и общего, субъективного и объективного. Поэтому для многих западных интеллектуалов отказ от марксизма — травма, даже если во главе этого процесса стоит Советский Союз.

Если это так, то вполне понятна причина, по которой интеллектуалы, по меньшей мере левые, не придают большого значения происходящему в Советском Союзе. Чего волноваться, если отход от марксизма происходит в стране, которая, как это ясно в исторической перспективе, оказалась плохим воплощением Идей?

Появляется искушение думать, что этот анализ не приложим к интеллектуалам правого толка. Но и они не улавливают какого-либо реального значения в гласности; возникает вопрос,

не связана ли их неудача с потребностью — иной, нежели у левых, но все же потребностью — в марксизме, от которой и им нелегко отказаться.

Следует иметь в виду, что марксизм претендует на решение проблемы, которую правые решить не смогли, — проблемы примирения и объединения индивидуализма с ценностями величественными (если бы правые решили эту проблему, не было бы причины для конфликта, который активно разыгрывается сегодня между либертариями и традиционалистами). Не имея решения, которое позволило бы утвердить интегральное видение истины, правая построила здание своего интеллектуализма и спиритуализма на оппозиции единству этих идей, предложенному марксизмом и левой, — оппозиции, в которую правая вложила немало духовной и интеллектуальной энергии. Именно поэтому нелегко представить постмарксистское оформление западной правой, так же как западной левой.

Даже если Советы откажутся от марксизма и советская империя станет церковью без вероучения, далеко не ясно, как мы выдержим без идеи, которая имеет для нас огромное, ни от чего не зависящее значение. Сможем ли мы существовать без марксизма? Весьма возможно, что по причинам историческим и философским для нас это окажется крайне трудным, во всяком случае, до тех пор, пока мы не найдем того решения важнейшей проблемы современности, на которое претендует марксизм.

*По-английски статья была напечатана в американском журнале "The National Interest", N 14, Winter 1988/9